

Это эссе – желание произвести впечатление на тех, чьим мнением дорожишь...

Наталья ТРОЯНЦЕВА

СЛОЖНОЦВЕТНАЯ ТКАНЬ МОДЕРАТО

Есть авторы, к чьим творениям только прикоснешься – и, ахнув, мгновенно переполняешься внезапной радостью ощущения духовной соразмерности.

Чувство, похожее на влюбленность – вспыхивает и сразу же прячется как можно глубже: влюбленность в тонко выстроенную и непринужденно высказанную мысль.

Возникает оно при чтении текстов, если и акцентирующих гендерные различия, то лишь в аспекте ab ovo природного первоначала.

В стихотворениях торжествует равенство возраста и пола – прекрасная реальность творческого настоящего.

Это эссе – желание произвести впечатление на тех, чьим мнением дорожишь априори. Поскольку именно в них видишь потенциальных собеседников – собеседников, с которыми можно вместе молчать об одном и том же, – о том, что составляет сердцевину существования. Монолог любого из означенных авторов – самый развернутый и аргументированный диалог, в который вступаешь снова и выходишь, одаренная заново щедрым бескорыстием воодушевленного размышления.

«Я мечтаю о том, как бы мне наконец научиться излагать свои мысли настолько же ясно и точно, сколь и – тонко, негромко, доступно, угождая изящному слогу и нежному слуху. А пока – беспощадно третирую речи соблазны, изнуряю объем и вмещаю метафоре фору». Эта автоцитата – когда-то сформулированная грёза о возможном. И теперь, с головой погружаясь в уже достигнутое кем-то другим, с наслаждением присваивая чужое многообразие, пленяясь им, купаясь в океане философских откровений и всех вербально идентифицированных искусств одновременно, – я сорадуюсь состоявшейся возможности.

*

Вот разворачивается история, в которой взрослый уже герой вспоминает себя подростком. И за подростковой же бравадой старается скрыть чувство непонятного стыда - оно побуждает честно рассказать о происшествии, которому стал свидетелем. Друг героя в нечаянной воинственной игре застрелил чудака-художника, «сумасшедшего Тото». Событие взбудоражило маленький городок, но виноватого не нашли, потому что – не искали. Продолжалась жизнь. Казалось, все быстро покрылось дымкой забвения. Но – нет. Дух человеческого гения, как Дух Божий, носился над городком последнего пристанища великого художника. И с каждого спрашивал по делам его.

ВАЛЕНТИН ЕМЕЛИН

Оверская история

*Кого ты убил,
Буффало Билл?
(Битлз)*

Он был сумасшедший Тото, и таскал всюду краски и кисти,
писать мог на всём: на холсте или даже на скатерти чистой,
и что-то про цвет объяснять нам пытался, когда был в подпитьи –
мы все помирали со смеху – у нас тут не много событий.

Однажды клошару змею запустили мы в ящик для красок,
Рене ему перцем намазывал кисти – любил он кусать их –
он так уморительно злился, припадок обычно был краток.
Танцовщиц бы лучше писал, а не всяких придурков усатых.

Красотки Рене попикантнее будут на дагерротипах,
костюм с бахромой у него, как у Буффало Билла – похожий!
В тот раз мы играли в индейцев, и в поле увидели психа –
Рене свой пугач по-ковбойски рванул: подыхай, краснокожий!

А мне закричал: – Женщин в форте укрой и займи оборону!
– Шайенн одноухий, тебя, как бизона, загоним обратно!..
Ей-богу, он только хотел попугать, а пальнуть – по воронам...
Когда тот упал, мы подумали: просто решил разыграть нас.

Какое дерьмо! Ведь на следствии точно назначат козлами...
Папаше Рене кучи франков не хватит расхлёбывать это.
... Тайком из Овера, как мэр посоветовал, нас отослали:
бедняга-то помер. Вот так, по-дурацки, закончилось лето.

Но всё обошлось. Перед смертью не выдал нас рыжий голландец.
Папаша отмазал Рене, а Тото упокоился с миром.
Из местных-то вряд ли кто будет болтать – ну и мэр не внакладе...
Лишь доктор Гаше взял холсты. А Рене-таки станет банкиром.

«...доктор Гаше взял холсты. А Рене-таки станет банкиром». И славу Винсента Ван Гога,
казавшуюся невозможной при жизни, после смерти умножат доктор и банкир. Доктор –

потому, что чувствует ценность искусства, банкир – потому, что знает ему цену. Воспоминание о детской трусости – подходящий стимул, а участие в посмертной судьбе художника – подходящее искупление.

★

Еще одна история, на этот раз рассказанная женщиной о женщине. В подборке Ирины Мастерман «Эпическое» бытовая коллизия обобщена именно до этого масштаба. Читаю, и возникают четкие ассоциации с «Рапсодией ветреной ночи» Элиота, одного из сюжетов знаменитого «Камня». «Между странствий она Вера», та самая, поселившаяся и на моем Острове Мусорного Христа и, несмотря ни на что, вселяющая Надежду и источающая Любовь. Вера по кличке и облику – Зебра, изысканной расцветки лошадь – белая в полоску ворона среди лошадей. Чтобы принимать любовь, нужно обладать душевным величием. Чтобы покупать – только деньгами. Но Зебра не торгует любовью. Она продает минутное наслаждение тем, кто обездолен, унижен, ничтожен и не годен для счастья. Это – их общая тайна. Она хранит ее.

ИРИНА МАСТЕРМАН

Зебра

Между странствий она Вера,

но не сейчас,

когда туфли в походной пыли,
когда застыла на обочине
дорожным знаком.
И в постановке ног, и в осанке
есть что – то от балерины на сцене,
готовой к глубокому реверансу.

Да, дорога. Это не те цены.
Да, холод, жара, дожди.
И вместе с тем пропахший
дизельным маслом водила
лучше, чем наглый мент, бандит
или психованный наркоман.

На ней всегда полосатые гетры
и, возможно, из-за этой детали
для дальнобойщиков она Зебра.
Караван машин проезжает мимо,

сигналит не потому, что сегодня Вербное
или едут по парам. Нет.
Начался футбольный чемпионат,
и мужчины жаждут зрелищ и пива.

У Зебры в сумочке предметы
первой необходимости:
жевательная резинка, полотенце,
презервативы, alochol, mildronate.
Пилюли, упреждающие несварение
и инфаркт, даёт Вере старый провизор.

К ней спешит блаженный Димыч.
Он кормится подаянием.
Монашки ордена Терезы
(белые косынки, синие канты)
Подарили

ему
Евангелие.
Ноевой голубицей,
несущей в клюве ветку оливы,
Дмитрий,
вынув книгу из-под свитера
и указывая на небо,
объявляет радостную новость:
«Первыми войдут в рай
блудницы и мытари!»

Из всех женских персонажей Достоевского Соня Мармеладова – наиболее живая и убедительная. Видимо, потому, что прототипом ее не были эксцентрические истерички, – писатель наделил девушку библейским величием, дал ей имя одной из своих умных и жизнерадостных знакомых и выдумал судьбу. «Первыми войдут в рай блудницы и мытари!», оставив своих состоятельных клиентов собирать вербу в будничном аду.

*

А вот чудесная камерная пьеса для кларнета, скрипки и альты. Исполняется в саду, где цветочки благодатной жизни незаметно зарастают цветами зла. «Розы кружатся по саду, «С» упала – вышел ад.» Создают этот ад двое, а зовут их... ну, скажем, Принцесса и Граф. Два персонажа с возвышенно восприимчивыми душами поочередно играют на струнах души визави, не понимая, что жизнь безжалостно выводит из образа в простодушную реальность, где годятся чувства только подлинно глубокие и многожды осмысленные. Но любовь побеждает все же...

ЕВГЕНИЙ ИВАНИЦКИЙ

Менуэт

Это тема для кларнета: в старом парке по аллее
Едет граф. Ему с улыбкой долго-долго смотрят вслед
Три танцующие нимфы, две актриски и камея.
Цок и цок, – стучат копыта, начиная менуэт.

В старом замке реверансы и галантные поклоны,
Мимолётные измены, маски фавнов и наяд.
Маски кружатся по зале под присмотром Аполлона,
Розы кружатся по саду, «С» упала – вышел ад.

Эти розы безрассудны. Боль и страсть вливаются в двери.
Альт и скрипка беспощадны – всё расскажут наперёд,
И принцесса так печальна, юный граф самоуверен:
Просит чай и два бисквита, поцелуи сам берёт.

Голос скрипки выше, выше, и на самой горькой ноте
Замирает над беспечным, беспощадным цветником,
И принцесса замирает, всё ей кажется: на взлёте
Хлынет кровь из горла скрипки, иссечённого смычком.

Если пальцы музыканта прикоснулись к телу скрипки,
Пальцы властны, звуки нежны, – им уже не прекословь.
Юный граф кружит принцессу. С повелительной улыбкой
Словно бабочку отпустит, а потом поймаёт вновь.

Что ж ты плачешь за колонной? Розы шествуют по зале,
На альте играет ревность, а судьба берёт кларнет.
Сердце бейся – не разбейся, всё забудь, и без печали
Делай па и улыбайся: это сон, тебя здесь нет.

Этот волшебный балладный метр! Изысканная и проникновенная звукопись! Превосходный Гумилев периода «романтических жемчугов», приводящих в восторг Брюсова, сентиментальный Северянин, Жуковский наконец! Романтическое совершенство всегда откликается в душе, и самый закоренелый скептик или циник хранит заветный уголок в неприкосновенности – до поры.

★

А здесь - исключительно тонкое мироощущение, в объеме которого все длится и длится мгновение, умножая тревоги нарастающей неизбежности разрушения. Но разрушение еще не имеет имени, оно прячется пока за метафорой вешнего льда и ветра, за фатумом неминуемого ухода. И остается одно – вкушать доступное еще наслаждение от вновь обретенной способности пристально всматриваться в миг. И – ощущать кровное родство с облаками, ветром, дымом родного очага и ломким весенним льдом.

[ЛАНА СТЕПАНОВА](#)

Вешний лёд

Ненадёжным и ломким, как вешний лёд,
стало всё. Неужели и жизнь пройдёт
в ощущении хрупкости вещества,
чувства, словно кто-то вдали позвал,
и нельзя по прозрачной пластине льда
не идти туда.

А над крышей дымок, разожжён очаг.
Только в доме своём ты теперь – в гостях.
там вокзальный колышется ветерок,
шелестя про длиннейшую из дорог,
на гвозде ожидает дорожный плащ,
а покой – щемящ.

Привыкай к мимолётности. Привыкай
к перьевым проносящимся облакам,
к струйкам дыма и ломкому льду весной.
Ты одной с ними сути, судьбы одной.
У событий и мыслей, вещей и чувств
будет ярче вкус.

Стилистическое совершенство стихотворения перекрывает грустное смятение авторского «я» в повествовании. Этическое и эстетическое, взявшись за руки, стоят на страже созидания и не допустят разрыва или распада. И читатель, несмотря на очевидное, все же надеется...

*

Это стихотворение я отношу к разряду шедевров. Исключительной ясности размышление о жизни и смерти с точки зрения куста шиповника. Все теологические откровения, все философские умозаключения вошли в ткань текста через уникальные стилистические конструкции. Языковая свежесть и точно выстроенная метафора невероятно притягательны. Стихотворение не отпускает, заставляя еще и еще раз взвешивать мысленно каждое словосочетание, чтобы еще глубже воспринять целое. Троп «...пока человек молча соединяет бездны» - квинтэссенция сути библейского масштаба. Достичь такого уровня прозрения – величайшее счастье. Лексический ряд – негромкое и неспешное путешествие звуковой гармонии через такты сюжета – следствие завершённой работы мысли. Счастливое осмысление Сущего.

ЮРИЙ ОКТЯБРЬ

Человек на холме

Заснеженный бок холма рассечен тропинкой,
как будто швом, сшитым кривыми стежками,
с проколами-ямками вглубь до слоя суглинка,
которые оставляет тот, кто мерит её шажками
мелкими и осторожными,
а издали – словно идет вразвалку.
Поднимаясь на холм нечасто, раз или два в неделю,
он колет снег своей полированной палкой,
сшивая тропиновый шов на холодном теле
невидимой нитью.
Он стар, одышлив, и у него сползают очки,
когда он с трудом переводит дух на вершине,
но он упорно взбирается вверх, оставляя стежки,
а спускаясь – рвет их лезвием тени синей.

Человек с палкой приходит в такие дни,
когда небо чисто, бездонно и от морозца звонко,
он подходит к обрыву и смотрит в небо, потом – вниз,
там тоже бездна,
только она ограничена у горизонта
виньеткой морозной из вязи ветвей ив,
растущих на кладбище,
но от этого не менее красивых.
Он смотрит с границы двух бездн, и взгляд его нетороплив,
если есть вообще в этот миг понятие «торопливость»,
он видит, как снизу, из сплетения ивовых паутин
взмывает в небо, исписанное строками самолетов,
белая птица,
и он в какой-то из бездн уже не один,
хотя его тело совсем не приспособлено для полета.
Тело здесь, на холме, а остальное - за
рамкой реальности,
там, где купается в небе птица,

но я никак не могу увидеть его глаза,
чтобы в этом уже окончательно убедиться,
ведь я не умею ходить
и все время стою за спиной,
пока человек молча соединяет бездны,
и если он даже решится заговорить со мной,
то вряд ли смогу стать для него полезным.
Я только шиповника куст, что растёт себе да растёт
на этом холме, в пяти шагах от обрыва,
где выронили надклёванный красный плод
две белых птицы,
когда ещё были живы.

Я впервые встречаю в современной русской поэзии такое сочетание совершенства метафизического и стилистического. То, что в английской поэтической традиции – непреложная норма, в русской – откровение. Пожалуй, Гнедичу в первой половине 19-ого удавалось подобное, Пушкину в «Маленьких трагедиях», в поздних стихотворениях – Лермонтову... Весь – от края до края – Вячеслав Иванов. Несомненно, Иннокентий Анненский, Пастернак в «Стихах к роману». «Райские яблоки» Владимира Высоцкого, его же «Кони привередливые», «Очи черные – Погоня» ... Каждый из поэтов достигал совершенства в собственной ипостаси de profundis, буквальное сопоставление невозможно. Важно – соответствие.

*

По удивительному совпадению в этом стихотворении тоже растет шиповник. Точнее, растет и цветет он в детстве автора, и его аромат – это аромат щемяще прекрасного и еще недавнего воспоминания. Но поэты взрослеют рано, и едва прошедшее, трансформированное в тело стихотворения, кажется пышно поросшим травой забвения.

Как внимательно смотрит ребенок на всегда незнакомый мир! Как драгоценны впечатления – «и радуга бутылочного горла», «и тень от слив нарезанная вдоль», и «в кулаке льняной лоскут» ...

СВЕТЛАНА ГУСЕВА

Мама, папа, я и другие овощи

* * *

и я ложусь и черный с рыжим кролик

и высохшая чистая свирель
и радуга бутылочного горла
и клевер на футбольном пустыре
и красные бока второго спаса
и папа недокрасивший сарай
макает лук в подсолнечное масло
и мокрый луг растущий через край
рассвета и не трогай в кухне ящик

и тень от слив нарезанная вдоль
и рекс и джек и сторож дядя саша
идет босой за теплой пеной в долг.

и я сажусь, хотя еще не помню.
как рыба, в кулаке льняной лоскут,
и там не в свой черед цветет шиповник,
а пахнет тут.

У каждого – свой калейдоскоп детский воспоминаний. Мы сопереживаем авторской искренности, и она трогает наше сокровенное. Гармоническое единство слога и изложения, и радость, радость...

*

И снова, на эффектнейший финал в этот раз, поэтические размышления Олега Бабинова. Среднее стихотворение целостного цикла «Дитя в Зверинце» –

подробнейший психоанализ социального ожесточения, ставшего очевидным в последнее время. Концентрация ненависти не укладывается в голове, война кажется не просто выходом, а – единственным из возможных. Диванные вояки вместе с телепропагандистами грезят о том, как превратят Америку в ядерный пепел. Рвутся давние дружеские и семейные связи. Те, кто уже привык к общению в соцсетях, лихорадочно «удаляют» «друзей», в одночасье ставших злейшими врагами. Удаленные (я в их числе!) сосредоточенно выискивают миролюбивых сторонников среди тех, с кем ранее и не мечтали вступить в диалог. Таковых – немало, по-счастью, да и градус ненависти снижается все же и удастся вернуться к прежним привязанностям.

Необратимо одно – то, что «звери, ... на личном примередоказали, какие они звери». Каждый понимает, о чем идет речь, если *хочет понимать.*

[ОЛЕГ БАБИНОВ](#)

MENAGERIE, МЕНЯ ЖРИ!

1. шерсть

Здесь живут звери -
большие звери,
средние звери и
малые звери,
звери, которым нравится жить в вольере,
и звери, которым не нравится жить в вольере,
и звери, которые на личном примере
доказали, какие они звери,

звери, повисшие вниз головой на хвосте,
и звери, обретшие старшего брата в хлысте,
звери, которых убедили, что они - те,
и звери, которых убедили, что они - не те,
и звери - охотники до других зверей в темноте,

звери, чья шерсть даёт работу сукну,
звери, рвущие когтем струну,
звери, воющие на луну,
и звери, устроившие войну.

И я просыпаюсь без чего-то шесть
от того, что желаю кого-то съесть,
и ветер клювом щекочет вставшую дыбом шерсть.

2. трах тибидох!

Государь, расплети свои белые косы!
Совиные крылья, ни пуха вам, ни пера!
В наше окно залезли пиндосы.
Но мы победим, выкинув труп Петра.

В соседнем селе - штурм векового загса.
На крыльце златом гаданье - кто нам не наш.
В лесу раздаётся топор англосакса.
Но мы победим, дотла спалив Эрмитаж.

Звонили, звонили богу - да номер занят.
Или вне зоны доступа бороду бреет бог.
Нас не убьют, а понарошку ранят.
И мы победим... Трах тибидох!

3. не понимаю

Прибавляю, отнимаю,
скоро стану убывать,
но никак не понимаю,
как мы смеем убивать.

Как вот тот, кто был младенцем,
кто сопел, уча урок,
душит банным полотенцем,
нажимает на курок?

Вот жила-была принцесса,
ей навстречу - серый волк.

Сказки Битцевского леса.
Составитель - Святополк.

Вот, командующий Градом,
поражает брата брат -
и командующий адом
поражающему рад.

Отрок Митя разбежится,
поскользнется - и на нож.
Чем нам Углич не столица?
Чем тебе, моя царица,
я, убийца, не пригож?

Пну обугленного берцем -
так и надо грязным шмерцам.

Как вот тот, кто был младенцем
и цеплялся за сосок...

Ах, Освенцим, мой Освенцим,
ты не низок, не высок.

«Вот, командующий Градом, поражает брата брат -и командующий адомпоражающему рад». Автор смотрит на сошедший с ума мир глазами мудрого ребенка. А разве можно – иначе?

